

Грань между жизнью и смертью

Похоронный агент

«Плохо, когда первый умерший, которого ты видишь в своей жизни, — твой близкий».

Нас около пятидесяти в большом помещении Университетского колледжа Лондона. Мы справляем «поминки» в честь 270-й годовщины со дня рождения одного философа. Его отделенная от тела голова — ее показывают впервые за несколько десятилетий — стоит под стеклянным колпаком рядом с бутылками будвайзера. Дальше в том же зале сидит в обычной стеклянной витрине его скелет — он одет в собственную одежду, костлявая рука в перчатке лежит на набалдашнике трости. Там, где полагалось быть голове, приделан восковой муляж: сохранение подлинника пошло не по плану. Студенты рядом уделяют ему не больше внимания, чем какому-нибудь предмету мебели.

В промежутках между ежегодными проверками, которые отмечают все новые стадии ветшания, голову Джереми Бентама обычно запирают в шкаф подальше от глаз. Душеприказчиком Бентама был доктор Саутвуд-Смит. Он же был прозектором, проводившим вскрытие. В попытке сохранить голову в нетронутом виде он поместил ее вместе с серной кислотой в герметичную емкость и откачал воздух, чтобы убрать из тканей жидкость. Кожа, однако, от этого приобрела стойкий пурпурный оттенок, и Смит в итоге сдался: позвал мастера по восковым фигурам и заказал у него копию, а подлинник убрал. Я уже видела эту голову за три года до наших вечерних поминок: я тогда работала над одной статьей, и мне ее показывал застенчивый ученый, которому был поручен уход за этими останками. Мы вглядывались в мягкие светлые брови,

в голубые стеклянные глаза, а высохшая кожа наполняла комнату ароматом вяленой говядины. Он рассказывал тогда, что при жизни Бентам имел привычку держать эти искусственные глазные яблоки в кармане и ради смеха вынимал их на вечеринках. Теперь, спустя уже 186 лет с момента его кончины, они взирают из кожистых глазниц на толпу людей, собравшихся обсудить отсталое отношение к смерти в нашем обществе.

Бентам был эксцентричным философом и за некоторые свои идеи попал бы сегодня в тюрьму или, по крайней мере, был бы с позором изгнан из университета. Однако во многих вопросах он был передовым человеком. Он отстаивал права животных, права женщин и даже права геев — во времена, когда гомосексуализм был вне закона. Он был одним из первых людей, завещавших свое тело науке. Ему хотелось, чтобы друзья провели его вскрытие публично, и сейчас здесь собрались люди того сорта, которые пришли бы на это посмотреть. Мы уже выслушали доктора Джона Тройера, директора Центра изучения смерти и общества Батского университета. Он рассказал, что вырос в похоронном бюро и в его семье смерть не считалась табу, — похоже, не только у меня дома смерть была повсюду. Затем специалист по паллиативной помощи, врач с хорошими манерами, призвал нас последовать примеру Бентама и говорить о своей кончине заранее, чтобы были удовлетворены наши самые безумные желания. Наконец, Поппи Мардалл, женщина около тридцати пяти и похоронный агент по профессии, рассказала нам, что первый труп, который ты видишь в своей жизни, не должен принадлежать дорогому тебе человеку. Она еще добавила, что хотела бы водить в свой морг дошкольников, чтобы показать им смерть до того, как они будут вынуждены с ней столкнуться. «Надо разделить шок от самого

зрелища и горе утраты», — произнесла она, поблагодарила нас за внимание и села, отчего на столе звякнули пивные бутылки.

Я много думала о смерти, но мне никогда не приходило в голову, что можно целенаправленно отделить эти переживания друг от друга и тем самым защитить свое сердце. Интересно, какой бы я была сейчас, если бы в детстве Поппи показала мне то, что я тогда хотела увидеть? Мне всегда было любопытно посмотреть на мертвого человека, но было очевидно, что, когда это все же произойдет, я буду знать умершего. Трупы незнакомцев не так просто встретить — мне даже не показали погибшую подругу, да и после этого я много лет не видела покойных, хотя присутствовала на похоронах школьных друзей (рак, самоубийство) и всех дедушек и бабушек (они умерли по естественным причинам). Я думала, что невозможно избежать сложного «взрыва мозга» — совокупного психологического воздействия утраты близкого и столкновения с физической реальностью смерти.

Уже через пару недель после поминок по Бентаму я оказалась в залитой светом комнате похоронного бюро Поппи — старого кирпичного здания за воротами Ламбетского кладбища. Я сидела в плетеном кресле, на тарелке посередине стола лежали красочные пасхальные яйца, за широкими викторианскими окнами с наклейками маков снег оседал на обутых в сандалии ногах каменного Иисуса. Ламбетское кладбище впечатляет меньше, чем «великолепная семерка» больших лондонских кладбищ-садов — Кенсал-Грин, Западный Норвуд, Хайгейт, Эбни-парк, Бромптон, Нанхэд и Тауэр-Хэмлетс, — которые в девятнадцатом веке опоясали растущий мегаполис, чтобы разгрузить переполненные дворы приходских церквей. Здесь нет ни пышных мавзолеев, ни величественных

променадов, ни колоссальных, размером с дом, надгробий — демонстрации богатства своих почивших жильцов. Оно небольшое, практичное, без претензий. Поппи такая же. С ней легко беседовать: может показаться, что она — психотерапевт или добрая мама. Ее выступление поразило меня и вызвало желание продолжить разговор. Похоронное дело явно было для нее не просто работой; а поскольку я никогда еще не видела трупа — не считая обезглавленного философа, — я решила с ее помощью исправить ситуацию. О таком одолжении мало кого можно попросить.

«Мы не открываем холодильные камеры, просто чтобы удовлетворить любопытство, — по-деловому отвечает она на мою просьбу. — Тут не музей, и я считаю, что „за кулисами“ надо вести себя осторожно. Но если у вас найдется пара часов, можете к нам заглянуть и помочь подготовить умершего к погребению. Это будет настоящий контакт с трупом, а не просто возможность поглазеть на мертвецов». Я посмотрела на нее с изумлением. Мне вообще не приходило в голову, что она может на такое согласиться, не говоря уже о предложении поучаствовать в процессе. Разумеется, я пришла сюда именно потому, что она сама изъявила желание показывать свою работу, но все же некоторые двери были заперты для меня так долго, что сложно было вообразить их открытыми. «Мы будем вам очень рады», — подчеркнула она, пока я молчала, потрясенно пытаясь осознать невозможное.

В Великобритании, в отличие от США, похоронным агентам не требуется лицензия для работы с трупами. Все сотрудники в бюро Поппи раньше не были связаны с этой отраслью. Сама она работала в аукционном доме «Сотбис», пока не начала уставать от бессмысленности своей профессии. Моргом — он расположен на том же кладбище

недалеко от места, где мы сидим, — заведует Аарон, бывший работник канидрома* для борзых в том же районе. Стюарт, водитель грузовичка для перевозки трупов, — пожарный, а сюда устроился на неполную ставку. По его словам, это как бы возвращение к тем, кого он не смог спасти. Поппи сказала, что я смогу пройти обучение, как и они когда-то. Словно я пришла сюда работать.

«А вы когда-нибудь видели труп до того, как занялись похоронным делом?» — интересуюсь я.

«Нет, не видела. Безумие, правда?»

Я пытаюсь понять, что привело ее из суматохи аукционов в похоронное бюро на кладбище, и мне в голову не приходят даже предположения. «Мне попадались люди, у которых были более внятные причины заниматься такими вещами, — смеется она, — но в моем случае все было совсем не так». Судя по тому, как она об этом рассказывает, мотивация у нее прозрачная — несмотря на извилистый путь и на то, что поначалу она могла ее не осознавать.

Поппи пришла в мир аукционов — сначала в «Кристис», потом в «Сотбис» — благодаря любви к искусству и осталась там, потому что работа была веселая: адреналин, общение, никогда не знаешь, куда тебя занесет. «Мне как-то позвонил парень из сельского Техаса и сказал, что у него вроде бы есть скульптура Барбары Хепурт**». На следующий день я уже сидела в самолете. Мне было двадцать пять, у меня была куча обязанностей, это было классно, классно, классно», — вспоминает она; и этот случай, по ее словам, нельзя назвать необычным. Вскоре, однако, у Поппи появилось ощущение какого-то вакуума смысла. Она родилась в семье социального работника и педагога, и родители привили ей

* Канидром — комплекс для проведения собачьих бегов.

** Барбара Хепурт (1903–1975) — известный скульптор-абстракционист.

потребность помогать нуждающимся. Работа в «Сотбис», пусть и захватывающая, не удовлетворяла эту внутреннюю тягу. «Да и в качестве источника заработка торговля картинами мне не очень подходила», — добавляет она.

В свободное время Поппи как «добрая самаритянка» трудилась на горячей линии в благотворительном фонде, занимавшемся психологической поддержкой тех, кто запутался и подумывал о самоубийстве. Постепенно нагрузка на основной работе становилась все больше, командировки — все дальше, и смены из-за этого приходилось пропускать или переносить. «Это меня очень огорчало. Года два я не могла разобраться в себе, своего рода кризис четверти жизни», — вспоминает Поппи. Она знала, что хочет общаться с обычными людьми, быть «на передовой бытия» и заниматься чем-то *значимым* — неважно, рождение это, любовь или смерть, — но никак не могла определиться, как и что ей надо делать. А потом жизнь начала принимать решения за нее.

Все наши близкие когда-нибудь умрут, но часто мы осознаем это, лишь когда происходит что-то плохое. Поппи тоже не задумывалась на эту тему до тех пор, пока обоим ее родителям быстро, одному за другим, не поставили диагноз «рак». «У нас в семье принято совершенно свободно обсуждать любые темы, — рассказывает она. — Когда мне было пять лет, мама натягивала презервативы на бананы. В таком возрасте я все равно еще ничего не понимала, но ей очень нравилось само нарушение запретов. И все же о смерти мы толком не говорили — у нас не было такой беседы, по крайней мере в том смысле, как я это понимаю. Когда заболел папа, мне было уже двадцать семь, и только тогда до меня дошло, что ему вообще суждено умереть».

Это откровение посетило ее в самый разгар кризиса, связанного со смыслом работы. Тему перестали игнорировать

и обсудили. Когда выяснилось, что с родителями все будет благополучно, она отложила некоторую сумму, ушла из мира искусства и поехала отдохнуть в Гану, где заразилась брюшным тифом и сама чуть не отправилась на тот свет.

«Господи!» — Я не могу сдержать удивления.

«Это точно! Короче, я провалялась больной восемь месяцев, и у меня было время подумать. Если бы я тогда не заразилась тифом и не лежала без дела, я бы, наверное, выбрала бы что-нибудь побезопаснее. Это, — она обводит рукой похоронное бюро, — был, конечно, самый сумасшедший пункт в списке».

Идея заняться организацией похорон оказалась в этом списке не только потому, что это позволило бы Поппи воплотить желание быть причастной к большим жизненным событиям. Дело еще и в том, что мама четко сообщила, как надо и как не надо ее хоронить. Пока родители болели, Поппи рассматривала разные варианты и поняла, что отрасль прочно застряла в прошлом и в ней осталось совсем мало места для индивидуального подхода. Все эти отполированные черные катаfalки, цилиндры, чопорные процессии не подходили ее семье, и ей захотелось сыграть свою роль в преображении мира смерти. Тогда она еще не могла сформулировать, что конкретно под этим подразумевается, но потом, почти выздоровев и отдохнув настолько, чтобы выходить из дома, она начала учиться у действующих специалистов и поняла, чего ей не хватает. Стоя в морге и впервые увидев смерть во всей ее банальности — совсем не такой ужасающей, — она поймала себя на мысли, что злится. Ее заставили посмотреть в лицо идее смертности — неизбежной смерти близких, своей собственной, — а она даже не знала, на что это похоже.

«Мне было бы гораздо проще, если бы я до этого видела покойников», — говорит Поппи. У нее двое маленьких детей,

и она сравнивает этот страх с беременностью. «Допустим, я на девятом месяце и вот-вот должна родить. Если бы я в глаза не видела младенцев, мне было бы гораздо страшнее. Как родить то, с чем никогда не сталкивался? О чем не имеешь ни малейшего представления?»

Я спрашиваю о тех трупах, которые мы себе все же представляем. При этом слове в памяти сразу появляется не бледное, похожее на спящего тело, а нечто разложившееся и вздувшееся. Такие трупы тоже бывают. Может быть, все-таки не стоит что-то показывать близким? «Мысль, что на мертвых нельзя смотреть, возникла из благих побуждений, это проявление заботы и участия. Но я считаю, что в наши дни такое восприятие уже патриархально, это снисходительная недооценка психологических возможностей человека, — возражает Поппи. — Потребность видеть умершего есть не у всех, однако кому-то это крайне важно».

Несколько лет назад в бюро пришел мужчина. У него утонул брат, и тело так долго пробыло в воде, что никто не хотел его показывать, куда бы он ни обращался по поводу организации похорон. «Он сразу начал с вопроса: *„Вы мне разрешите увидеть брата?“* Это была проверка того, *на его мы стороне или нет*. Не нам решать, что человек может вынести, а что не может. Конечно, мы тут не для того, чтобы силой заставлять людей испытывать переломные впечатления, но наша задача — подготовить их, мягко снабдить информацией, необходимой для взвешенного решения. Мы не знаем этих людей, не знаем, какое решение будет для них правильным». Тот мужчина посмотрел на брата в последний раз.

Поппи говорит, что в морге будет очень красиво, когда я сюда вернусь. Он и должен быть такой: крайне важно хранить умерших в приятной обстановке, если хочешь пускать к ним живых. «Многие наши посетители недоумевают:

„Зачем вы устроили морг в таком вдохновляющем месте?“
А мне кажется, *в этом весь смысл*».

И я вернулась. Снег к тому времени давно растаял.

От морга я ожидала совсем других запахов. Я рисовала в воображении помещение без окон, скрип линолеума, вонь хлорки и гниения. Я представляла себе не ласковые лучи теплого весеннего солнышка, в которых сияет и переливается сталь и дерево, а резкий, мерцающий свет жужжащих флуоресцентных ламп. Я стою у двери в одноразовом фартуке из мнущегося искусственного материала, руки потеют в нитриловых перчатках. Розанна и Аарон в похожих зеленых толстовках из флиса и таких же, как у меня, фартуках готовятся к процедуре. Она выкатывает из угла тележку, он что-то аккуратно пишет в линованном черном журнале. У раковины — обычный пакет со сложенной одеждой. Скоро ее наденут в последний раз. Я неловко опираюсь на стеллаж с полированными деревянными гробами и стараюсь не мешаться под ногами. Пахнет сосной.

Сегодня в бюро тринадцать покойников — их имена написаны разным почерком на маленьких белых табличках, прикрепленных к тяжелым дверцам холодильной камеры. С перекладин на потолке свисают лампы. Они мягко светят, но день выдался такой солнечный, что включили их, наверное, просто по привычке. Тут все или из металла, или из дерева. Шкаф у раковины приоткрыт: рядом с бамбуковыми подголовниками видна бутылочка Chanel № 5. Выстроились в ряд новенькие гробы. Они стоят вертикально и ловят свет, а их углы замотаны скотчем для защиты от ударов. По бокам их, как упоры для книг, ограничивают

два плетеных гроба, и на полке сверху ждет своего часа «корзина Моисея» — переносная детская кроватка в синюю клетку. Как корзинка для пикника, только не в этом случае.

Когда-то здесь был не морг, а часовня. Под сводчатым окном со стеклами в свинцовой оправе, где сейчас жужжит непрерывным низким гулом белая стена холодильной камеры, мог располагаться алтарь. Потом тринадцать лет здание стояло заброшенным и ветшало посреди кладбища в южном Лондоне. Именно Поппи спасла его от медленного разрушения: она начала независимую деятельность и ей требовалось помещение для хранения трупов. Когда-то в этой часовне покойников оставляли на ночь перед похоронами. Благодаря Поппи все вернулось на круги своя.

Сегодня хозяйки нет на месте, и мной занимаются двое надежных сотрудников. У Поппи первая встреча с мертвыми уже за плечами, и теперь она предоставляет пережить это мне. Я смотрю вокруг и всюду чувствую ее руку: все здесь практично, скромно и гостеприимно. В углу стоит кухонная раковина и скамейка — для такого объема работы с трупами, который тут проводят, этого вполне достаточно. Я вспоминаю, как во время нашего зимнего разговора Поппи упомянула, что бальзамированием они не занимаются: «Мы хотим, чтобы наши услуги приносили пользу. Когда мы открывали бизнес, у меня совсем не было уверенности, что трупы бальзамируют ради близких. По-моему, эта процедура существует просто потому, что так устроена похоронная отрасль». По ее словам, отдельное помещение и собственные холодильные камеры, как здесь, есть не во всех бюро, поэтому трупы держат в центральном хранилище и при необходимости возят туда-обратно. Если семья хочет увидеть покойного, его с большой долей вероятности придется для транспортировки на несколько часов — а иногда и на целые сутки — оставить без заморозки.

В забальзамированном состоянии ткани довольно долго не разлагаются при комнатной температуре, что дает ритуальным агентствам больше времени и упрощает организационные вопросы. Если родные прямо попросят такую услугу, Поппи пойдет навстречу, но бальзамировать будут в другом месте. Шесть лет работы в этом бизнесе так и не убедили ее, что эта процедура так важна, как ее преподносят, но, как обычно, она готова прислушаться к новым аргументам.

С труппами, которые лежат здесь в холодильниках, уже сделали все необходимое. Закончились медицинские процедуры, проведено вскрытие, зашиты разрезы, взяты и учтены образцы. Умершие здесь снова становятся людьми, а не пациентами, жертвами, солдатами, ведущими войну с собственным организмом. Все кончено, и им остается только дожидаться, когда их омоют и оденут, а потом закопают в землю или сожгут.

Режиссер Дэвид Линч рассказывал в одном интервью, как побывал в морге — его пустил туда ночной сторож, с которым он познакомился в столовой во время учебы в академии искусств в Филадельфии. Линч сидел на полу за закрытой дверью и думал о прошлом всех этих умерших людей: кто они, чем занимались, как попали сюда. Меня охватывает похожая волна переживаний. Поражает масштаб, большой и маленький. Все эти люди, эти библиотеки годами накопленного опыта в конце концов оказались здесь.

Дверь камеры щелкает и открывается. Поддон с трупом вставляют в тележку, которую гидравлический подъемник с громким металлическим шипением поднимает на высоту талии. Холодильник начинает жужжать еще громче — аппаратура пытается скорректировать скачок температуры. Аарон ставит тележку посередине помещения и смотрит на меня. Я стою, облокотившись на гробы,

и тереблю фартук. Отсюда мне видно лишь выбритую макушку на белой подушке. Покойного зовут Адам.

«Надо снять с него футболку, родные хотели ее оставить на память, — говорит Аарон. — Можете подойти подержать руки?»

Я делаю шаг вперед, беру покойного за холодные ладони и поднимаю его длинные тонкие руки так, чтобы футболка соскользнула с костистых плеч. Мой взгляд прикован к его лицу, к приоткрытым, впавшим глазам, застывшим как устрицы в раковине. Потом Аарон скажет, что глаза всегда лучше закрывать сразу же после поступления трупа. Чем дальше, тем суше становятся веки и тем будет сложнее что-то изменить и подправить. Глаза у трупа не круглые, как мраморные шарики, а сдувшиеся, как будто из них вытекла вся жизнь. Можно посмотреть мертвому в глаза и не найти ничего, даже знакомой формы.

В сложенных на груди руках Адам сжимает нарцисс и семейную фотографию в рамке — с ними его забрали из дома, где он умер в своей постели, с ними его положили в холодильник. Сейчас оба предмета вынимают и откладывают в сторону, чтобы они не мешали работать. Я упускаю этот момент. Позже я пойму, что это был единственный шанс увидеть этого мужчину таким, какой он был при жизни, но там, в морге, я была слишком поглощена его текущим состоянием. Жаль, что так получилось, но мне сложно себя винить. В конце концов, это был для меня первый труп, и вдобавок я держала его за руки.

Мне интересно, как выглядит смерть, и Адам выглядел мертвым. Естественно, без бальзамирования. Было заметно, что он пролежал в холодильной камере две с половиной недели, хотя с точки зрения разложения все складывалось наилучшим образом — промежуток между смертью и заморозкой был сведен к минимуму. Рот был приоткрыт.

Глаза тоже. Сложно сказать, какого цвета они были при жизни и вообще увидела бы я какие-то из этих цветов месяц назад или нет. Тело было болезненно желтушным, но не этот оттенок был самым ярким. Когда футболка соскользнула с головы, передо мной предстали выступающие ребра, как будто подчеркнутые еще более выраженной желтизной, контрастирующей с лаймово-зеленым животом и более темной, почти до черноты, зеленью промежутков между резко очерченными костями. Обычно именно с живота начинают проявляться признаки разложения — для правильной работы он уже наполнен бактериями, — но я даже не подозревала, что смерть, вызывающая у нас самые черные эмоции, может быть такой яркой. Микробная жизнь, взяв верх над человеческой, едва ли не светится. Спина покойного была пурпурной из-за прилившей крови: сердце перестало прокачивать ее по организму, и она начала сворачиваться и темнеть там, где остановилась. Из-за хранения кожа Адама то тут, то там образовывала складки. Живой человек изменил бы неудобное положение, но после смерти движения замирают, а эластичность утрачивается, оставляя складку складкой, а вмятину вмятиной. Ноги сверху были желтовато-белого оттенка, а под коленями — слегка пурпурные. Мужчина не был стар — может, за сорок. Футболка, которую семья попросила оставить, была синей.

Сложно сказать, выпирали у него ребра при жизни, или тело, как и его осунувшееся лицо, стало так выглядеть уже потом. Судя по стройным, мускулистым ногам, он держал себя в форме. Может быть, занимался бегом. Обстоятельства смерти узнаешь нечасто — да это и не нужно, когда требуется просто одеть покойника, — однако, судя по фентаниловым пластырям на руках и липким следам в местах, откуда их сняли, он долго болел и нуждался в обезболивающих. Розанна осторожно оттирает с кожи остатки клея.

«Мы стараемся по возможности их убирать, но так, чтобы ничего не повредить, — говорит она. — Иногда начинаешь снимать пластырь, а кожа отходит вместе с ним. Тогда лучше не трогать». По ее словам, желательно не оставлять никаких следов больницы и медицинских процедур. Зачем человеку в могиле компрессионные чулки или катетер в вене?

Содержимое пакета с одеждой вываливают на скамью у раковины. Кроссовки, помятые носки, серые трусы-боксеры. Вся одежда старая и неформальная, родные достали ее из кладовки. Неношенные здесь только кроссовки — они выглядят так, как будто их купили максимум неделю назад. Я переворачиваю их руками в перчатках. Интересно, когда Адам их приобрел? Видимо, в то время он еще неплохо себя чувствовал и был уверен, что новая обувь ему пригодится. Как там в анекдоте про старика, который перестал покупать зеленые бананы?

Аарон снимает с покойного нижнее белье, осторожно прикрывая простыней область паха. Из уважения он старается не обнажать тело. «Сейчас посмотрим, насколько там чисто. Если что-то не так, надо будет его подмыть». Мы переворачиваем труп на бок, Аарон оценивает ситуацию, и мы возвращаем все в исходное положение. Розанна берет свежие трусы с одной стороны, я с другой, и мы сантиметр за сантиметром натягиваем их на пожелтевшие ноги. Кожа такая холодная, что я невольно об этом говорю — и тут же чувствую себя глупо. «Через некоторое время привыкаешь, что они холодные, — подбадривает меня Аарон. — А потом едешь забирать из дома свежего, еще теплого покойника, и... ощущение довольно странное». По его взгляду я понимаю: тепло здесь нежелательный, пугающий признак жизни, и разница температур помогает психически разделять мертвых и живых. В холодильных камерах стабильно четыре градуса по Цельсию.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

